

А.Н. Рудяков
Л.А. Рудяков*

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
*Автор для корреспонденции: leonid.rudakov@mail.ru

Геофонология русского языка как раздел георусистики

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания термина «геофонология» с позиций георусистики, предполагающей учет при изучении языковых единиц особенностей современного глобального языкового пространства, в рамках которого функционирует русский язык. Авторы опираются на принципы лингвистического функционализма, согласно которым язык (в том числе русский) существует в нескольких формах: «инвариант» и «варианты». В качестве инварианта выступает «язык вообще», система языковых единиц и отношений, обуславливающие противопоставленность одного языка всем прочим языкам-инвариантам; вариант же представляет собой эту форму реализации инварианта в определенных условиях.

В статье обосновывается необходимость учета принципиальных отличий при рассмотрении фонологической системы русского языка как средства взаимодействия в рамках отдельных государств, поскольку это обуславливает вариативность реализации единых для русского языка фонем в разных позициях, в качестве которых выступает в том числе иноязычное окружение. Именно различия такого рода обуславливают адаптацию русского языка к тем условиям, которые сложились на территории отдельных государств и в которых протекает социальное взаимодействие носителей русского языка сегодня. В связи с этим в статье на материале русского языка предлагаются теоретические основания для построения действующей и актуальной модели геофонологии, которая отражает специфику взаимодействия русского языка с другими языками. При этом особое внимание уделяется роли различных манифестаций общих фонем, поскольку благодаря им осуществляется реализация языка инварианта в конкретных социальных, культурных, исторических условиях, а также в рамках разных государств, которые используют один и тот же язык в качестве средства социального взаимодействия.

Ключевые слова: георусистика, геофонология, инвариант, вариант, языковая норма, функция.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2021-137-4-49-59>

Введение

Предлагаемая статья представляет собой попытку ввести в обиход лингвистической науки понятие, которое в одной из своих работ я именовал «геофонология». А именно, «геофонология русского языка».

Очевидно (и это подчеркнуто в названии статьи), что феномен геофонологии прямо

произведен от концепции георусистики, основы которой изложены в ряде публикаций [1; 2 и др.]. И вновь я веду речь о принципиально новой сущности: как и в случае с моей тщетной попыткой обнаружить в пространстве всемирной паутины хотя бы упоминание георусистики в начале 20 века, поиск в интернете соответствий запросу «геофонология» результатов не дал.

Сегодня такой научной языковедческой дисциплины не существует. Нет такого раздела и в науке о русском языке. Вопрос «почему?» не стоит и задавать: причина – в господствующей в русистике научной парадигме.

Но здесь уместен иной вопрос, тот или иной ответ на который проводит предельно четкую границу между традиционной русистикой и георусистикой.

Вопрос звучит так: а существует ли в мире совокупность явлений, являющихся предметом геофонологии русского языка как языка планетарного, языка «полинационального», то есть обеспечивающего социальное взаимодействие [3] своих носителей не только в РФ, но и за ее пределами?

И конечно же, насколько выделение такого раздела в лингвистике производно от того факта, что объектом георусистики является глобальный, планетарный мир, формируемый вариантами, разновидностями, реализациями русского языка [3], закономерно возникающими как следствие того, что русский язык становится средством социального взаимодействия вне Российской Федерации. Принципиально важно осознавать, что по своему устройству русский языковой мир не может быть отождествлен с простым множеством русофонов. Так же, как человеческий (как и любой иной живой) организм не может быть сведен к множеству клеток.

Для человека, живущего в плену представлений о том, что есть только два варианта русского языка – московский и питерский, – таковой предмет очевидно не существует. Особенности реализации русских фонем в речевой деятельности носителей русского языка, по разным причинам проживающих вне России или изучающих русский язык в качестве неродного или иностранного, в этой системе взглядов автоматически, механически, традиционно осознаются как неправильные, ошибочные, приводящие к «порче».

Это, кстати, весьма удобная «гносеологическая призма». Не исключаю, что мне не удалось бы уйти от нее до сих пор, если бы судьба не обусловила необходимость осмысления происходящих с русским языком изменений

не с точки зрения русиста-россиянина, а с позиции исследователя, находящего не в центральной зоне русского языкового мира.

На мой взгляд, предметом геофонологии русского языка является представляющая громадный научный интерес совокупность реализаций русских фонем, формирующих уникальный звуковой строй русского языка, в – условно говоря – «внероссийских» русских.

Иначе говоря, став георусистом, я не имею права даже помыслить о том, что та или иная реализация той или иной русской фонемы в речи носителей иных языков является правильной или ошибочной. Ее отличие от реализации в российском русском не является ошибкой или пресловутой порчей. Все они заслуживают внимания, изучения, систематизации в геофонологии русского языка. Когда-то на одной из конференций по РКИ докладчик, повествуя о учебниках русского, созданного иностранными авторами, сказала, что «люди так не говорят». Говорят! И будут говорить – вне пределов России и не будучи носителями российского русского.

В связи со сказанным целью статьи является показать общие закономерности применения постулатов георусистики и лингвистического функционализма при описании вариативности языка в рамках современной общей фонологии, ориентирующейся на закономерности взаимодействия языков в современном мире.

В основе проведенного исследования лежат метод наблюдения, дедукции, анализа и функциональной интерпретации языковых явлений.

Обсуждение и результаты

Я хотел бы подчеркнуть здесь, что предлагаемая статья не является и не может являться попыткой описания всего множества подобных реализаций. Это статья об отношении к этим явлениям. Статья о способе восприятия этого феномена. Именно поэтому в ней не будет избытка «фактического материала», непосредственный доступ к которому автор «утратил» перестав быть носителем украинского варианта русского языка.

Бесценным и поистине неисчерпаемым источником фактического материала в этом отношении являются работы специалистов в сфере преподавания русского языка как иностранного.

Мне посчастливилось работать в этой области в начале моей преподавательской деятельности. Я достаточно хорошо помню те «вечные» фонетические «болезни», которые были не- или плохо излечимы у носителей тех или иных языков. Грешен: сам считал многие из них «ошибками». Сейчас понимаю, что это не так. Более того, совсем не так, потому что многие «речевые ошибки» в русской речи иностранцев были следствием непреодолимого сопротивления систем их родных языков и были, следовательно, атрибутами соответствующих национальных вариантов русского языка, носителями которых были или, скорее, становились те мои студенты. То, что мы привычно именуем словом «акцент», имея в виду прежде всего произношение, на самом деле присуще всем подсистемам языка.

Среди номинативных единиц, которые мы привычно используем в качестве заведомо понятных и не нуждающихся в пояснении, есть и слово «ошибка». А какое именно содержание кодируется этим знаком?

В «Словаре методических терминов» находим: «Отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм... Анализ, исправление и предотвращение О. – важное условие овладения языком в соответствии с его нормами...» [4, с. 182].

В этом весьма полезном для нас высказывании обращает на себя внимание упоминание «правильного употребления» и «норм языка».

Оказывается, мы часто забываем о том, что граница между тем, что мы именуем правильным, с одной стороны, и ошибочным – с другой, условна, подвижна и что «языковая норма», как всякое правило, закон, инструкция, приказ и прочие нормоустанавливающие вещи, являются продуктом некоего общественного договора. Более того, мне хотелось бы хоть раз увидеть ту легендарную книгу, в которой будут собраны и описаны в систематической форме нормы русского языка.

Поэтому мы должны отдавать себе отчет в том, что говоря о «правильном словоупотреблении», мы, по сути дела, говорим об освященном традициями, в той или иной степени канонизированном в научных изданиях и закрепленном в некоем общественном договоре идеальном речевом поведении некоего же идеального русского носителя русского языка.

В этом нет ничего удивительного или «неправильного»: Российская Федерация – центр и основа глобального русского языкового мира, обеспечивающая своим существованием его устойчивость и потенциал развития.

Вопрос в другом. Возможно ли это «идеальное речевое поведение идеального носителя русского русского» в условиях, закономерно и неотвратимо возникающих и существующих в иных цивилизационных условиях, где русский язык призван обеспечить социальное взаимодействие его носителей? Да – наверное!

Но насколько оно устойчиво под влиянием иной «среды», иной картины мира, а главное, – иного государственного устройства?!

Я не боюсь цитировать свои же работы, тем более что «случай Вильгельма», который я считаю, в высшей степени показательным, судьба подарила мне в городе Астана, ставший Нур-Султаном.

Я познакомился с Вильгельмом, который работал водителем в университете и возил нас каждый день на работу и обратно, случайно. Но это случай из разряда «яблок Ньютона», когда ты вдруг начинаешь осознавать то, что не видел раньше. На этой летней школе вместе со мной работали коллеги из Москвы и Тарту. Однажды утром мы ехали на занятия, и кто-то из сидящих в машине спросил, сидя на переднем сиденье, нужно ли пристегиваться. На что Вильгельм ответил: «Готовь штуку и не пристегивайся». Я обратил внимание на то, что коллега из Тарту побледнел. И понял, что слово «штука» для каждого из нас, сидящих в машине, имело разные значения. Вильгельм имел в виду 1000 тенге – это, по-моему, 2-3 доллара. У профессоров из России в сознании возникли 1000 рублей. И это их не испугало.

Для меня, тогда ещё жителя Украины, слово «штука» означало 1000 гривен. Сумма немалая, но не катастрофическая. А для эстонца – 1000 евро!!! Но зарабатывает он 800 евро в месяц.

Оказалось, что слово «штука» для носителей русского языка, живущих в разных странах, имеет разные значения. Почему? Потому что значение этого слова зависит от того, какую именно денежную единицу используют граждане той страны, в которой они живут. Из этого осознания следует важный вывод. Если в словаре в толковании этого слова написано только «тысяча рублей» [5, с. 1508], то мы имеем дело с традиционным изданием, игнорирующим факт принципиальной и без преувеличения вопиющей полинациональности русского языка. Грядущие словари, которые будут делаться на основе принципов георусистики, обязательно укажут в словарной статье особенности этого значения в различных национальных вариантах русского языка.

«Случай Вильгельма», на мой взгляд, наглядно (для тех, кто готов это увидеть) демонстрирует, что решающее значение для возникновения вариантов русского языка (неплохой термин – нациолект) имеет не территория, не влияние иных языков, а именно иное государство [6, с. 147]. Конечно же, отличия наиболее разительны не в означающих знаках, а прежде всего в семантике языковых единиц, содержащей в совокупности измененную «картину мира».

Конечно, геофонологию в меньшей степени интересуют особенности картины мира, носителями которой по необходимости становятся носители русского языка, являющиеся гражданами иных стран. Здесь решающим фактором, каузирующим варьирование, становится межязыковое взаимодействие и взаимовлияние. И все же нельзя недооценивать роль государства, становящего ареной такого взаимодействия и в той или иной мере канонизирующего его результаты.

Собственно говоря, все, что я писал 10 лет назад об объективно существующих, но со странной последовательностью игнорируемых нами «внероссийских» вариантах реали-

зации русских фонем [1], и составляет предмет геофонологии русского языка.

Здесь можно было бы приводить в качестве примера особенности реализации русских фонем в украинском, белорусском «русских», но суть вопроса об объективности бытия предмета геофонологии не в этом. И количеством примеров ситуацию не изменить и не прояснить.

В предельно простой форме смысл статьи может быть сведен к защите строго определенного понимания, чем именно является фриктивный [x] в украинском русском в качестве реализации фонемы <г>? Если лингвист ответит, что это неотъемлемое свойство украинского варианта русского языка, он готов к превращению в георусиста и геофолога. Если он скажет, что это «неправильное» произношение – увы...

Иногда – и достаточно часто из уст русистов – можно услышать и утверждение, что фриктивный [x] чужд звуковому строю русского языка и заимствован из языка украинского. Между тем, русская орфоэпическая норма требует (!!!) использования именно этого звукотипа в словах *бухгалтер, бухгалтерский, бог, ага, угу, господи* и ряда других. И хотя, по мнению М.В. Панова, высказанному в канонической «Русской фонетике» [7], «[x] уже не жилец в русской фонетической системе», его принципиальная принадлежность к исконно русскому звуковому строю не должна подвергаться сомнению.

Мне уже приходилось писать о том, что все споры и дискуссии о той или иной точке зрения на феномен варьирования всегда приводят к необходимости определить, какое именно понимание инварианта присуще каждой из них. В нашем случае, ведя речь о фонологии, невозможно избежать ответа на вопрос, каким именно образом геофонология русского языка должна определять фонему.

В своих книгах я последовательно отстаиваю концепцию, базирующуюся на определении естественного языка как знакового орудия регуляции [8]. Язык в этой системе взглядов – система функциональная, поэтому классическая – так называемая «уровневая» – схема

устройства языковой системы, основанная на субстанциональных свойствах языковых единиц, не «работает». Мне доводилось писать о неразрешимых противоречиях, заложенных в основу деления целостной системы языка на «уровни» или «ярусы». В частности, о том, как функционально тождественные номинативные единицы слова и словосочетания оказываются разнесенными по разным стратам на основании формального признака.

Последовательно функциональное видение естественного языка предполагает выделение в его структуре четырех подсистем. Это подсистемы

- строительная, включающая фонемы и морфемы
- номинативная, состоящая из слов и словосочетаний
- коммуникативная – предложения
- регулятивная – тексты.

Таким образом, фонема, на мой взгляд, является основной строительной единицей, функция которой – в формировании идеального облика означающего языкового знака. В этом – основное предназначение фонемы, порождающее ее бытие в системе естественного языка. В идеале именно этот идеальный облик, существующий на уровне языковой абстракции [9; 10; 11] должен быть обозначен буквами и канонизироваться с помощью орфографии. Иначе говоря, слово <молоко> всегда в сознании говорящего и слушающего носителя русского языка формируется этими фонемами.

На «уровне типов» [9; 11] фонема представляет собой «ряд позиционно чередующих звуков» [12, с. 106], который, как я покажу вскоре, и представляет для геофолога особый интерес, так как аллофонемы, этот ряд формирующие, оказываются по-разному организованы в разных национальных вариантах русского языка.

Ниже речь пойдет о фонеме <ц>, поэтому приведу здесь простую схему, которая покажет, каким образом она существует в фонетическом строе русского языка. Я в данном случае абстрагируюсь от оппозиций, в которые <ц> входит на уровне языковой абстрак-

ции. Почему? Да потому, что варьирование в национальных вариантах этот уровень не затрагивает по определению. Это очень важный тезис: русский язык во всех своих разновидностях остается русским. Но только в одной из них он является российским русским, о котором, собственно говоря, сейчас речь и пойдет. Точнее, о фонеме <ц> в российском русском.

Итак: <ц>

[ц] ...[ц'] ...[дз] ...[тс]

И действительно, интересующая нас фонема в литературном российском русском на уровне типов манифестируется названными звукотипами. Если же я исключу слово «литературном» из только что написанного предложения, то манифестаций окажется гораздо больше. Я благодарен Роману Валентиновичу Забаште, доценту моей кафедры в КФУ, обратившему мое внимание на тот факт, что реализация фонем <ц> и <ч> звукотипом [с] привычно для ... русских говоров.

Приведу цитату из работы В.Г. Орловой: «Третий тип употребления аффрикат, являющийся, как и второй, диалектным, исторически связывается с изменением качества той или другой из аффрикат, именно – с утратой ими затвора. Наиболее распространенные разновидности этого типа зависят от того, утрачен ли затвор одной аффрикатой ч' (*ш'ай, ш'асто, кош', кош'ка, цар', кол'цо, кон'ец*) или одной аффрикатой ц (*ч'ай, ч'асто, ноч', коч'ка, сар', кол'со, кон'ес*). В первом из этих двух случаев имеет место замена аффрикаты ч' звуком ш', который в других случаях в тех же говорах, как правило, не встречается, а из числа аффрикат остается только ц; употребление этой аффрикаты идет в подобных говорах по законам нормализованного типа языка. Во втором случае в говоре остается одна аффриката ч', но не в результате изменения отношений между ц и ч' (как при чоканье), а в результате совпадения аффрикаты ц с фонемой с.

Редкие говоры, в которых отмечают утрату затвора обеими аффрикатами (*ш'ай, ш'асто, кош', кош'ка; сар', кол'со, кон'ес*), тоже не представляют результатов исторического совпадения аффрикат, а лишь определенное изме-

нение каждой из них при общем различении в период, когда это изменение имело место. Поэтому говоры с утратой затвора в аффрикатах отмечены на карте 4 при помощи варьирования линий красного цвета, т.е. поставлены в связь с говорами, в которых различаются *ч'* и *ц*» [13, с.19]. Сходные данные привела мне в устной беседе О.Г. Ровнова, равно как и коллеги из уральских вузов, принимающие участие в работе одной из секций последнего конгресса РОПРЯЛ в Екатеринбурге.

Это означает, что реальная картина «ряда позиционно чередующихся звуков», который есть фонема <ц> в системе русского языка (подчеркну: русского языка, а не русского литературного языка) намного «эпичнее», чем только что мною изображенная:

<ц>

[ц] ...[дз] ...[тс] ...[ц'] ...[с] ...[с'] ...

И очень важно осознавать, что элементы этого «ряда», находящиеся за пределами границ литературной нормы, являются «ошибочными» только с точки зрения этой самой нормы. С точки зрения самой системы русского языка, – это ценнейший ресурс, арсенал, сокровищница, элементы которой принимают живое участие в формировании диалектов.

Вернусь к геофонологии. И начну, пожалуй, со своего опыта преподавания РКИ в самом начале этой деятельности. Бесценный опыт, к которому я продолжаю обращаться до сих пор. Я думаю, что георусистика переименует «русский как иностранный», или РКИ, в «русский как планетарный» (РКП) или «русский как глобальный» (РКГ), потому что в РКИ накоплен поистине бесценный багаж языковых фактов и знаний, который, на мой взгляд, не могут не быть использованы при создании геофонологии.

Я работал на сильной кафедре методики преподавания русского языка и литературы Симферопольского государственного университета под началом Александры Алексеевны Соловьевой. В группах у меня учились ребята из разных стран.

В одну из летних сессий я принимал экзамен по русскому языку у студента из Лаоса.

Я хорошо его помню, помню, как его зовут. Средних способностей, но очень старательный и упорный. Экзамен он сдавал долго, и когда все закончилось, я понял, что ему хочется продолжить нашу беседу. Я спросил что-то о Лаосе, а потом задал вопрос о русском языке. «Трудно», – сказал Сайтхонг. «Почему?» – спросил я, зная ответ. «В лао нет таких звуков, как в русском». «Каких?» – спросил я, снова зная ответ. Сайтхонг напрягся и сказал: [с], [с], и [с]. Имея в виду, конечно же, [ц], [ч], [ш]....

Я рассказываю об этом, чтобы показать, каким образом менялось мое отношение к этому явлению. Достаточно долго я – к стыду своему – рассказывал эту историю в качестве анекдота. И сегодня – искупая свой грех перед нашей наукой – попытаюсь показать, что на самом деле происходило в тот момент. Конечно, для того чтобы увидеть это, понадобились годы постижения глубин устройства естественного языка.

Итак, носитель языка лао произносит [с], имея в виду, например, <ц>.

С точки зрения преподавателя РКИ привычнее всего считать это речевой ошибкой, как я и делал в те далекие годы. И это действительно ошибка в российском (а тогда – советском) русском литературном языке.

Но сегодня для меня очевидно, что существуют некие непреодолимые барьеры, построенные системой родного языка, которые язык изучаемый не способен преодолеть. Что эти, на первый взгляд, «ошибки», по сути дела, являются атрибутами того варианта или той реализации русского языка, которая необходимо возникает в процессе и результате взаимодействия системы русского языка с системой языка лао. Конечно, важно еще на какой «сцене» это происходит в стране языка родного или изучаемого, но в ситуации разговора о геофонологии этим можно пренебречь, от этого можно абстрагироваться.

Парадоксально, но Сайтхонг совершенно уверен, что он все произнес правильно. Парадоксально, но он недалек от истины!!! (Любопытно, что, если бы события нашей истории развивались бы иначе, можно представить ситуацию, в которой произношение [с] на месте

аффрикат было бы литературным, и студенты из Лаоса испытывали бы намного меньше трудностей в ходе овладения нашей литературной нормой).

Хотим мы этого или нет, возмущает нас это или нет, будем ли мы бороться с этим на занятиях или нет, но в лаосской реализации русского языка наши русская фонема <ц> будет реализована в сильной позиции звуко-типом [с]. Я уверен, что есть таланты, способные преодолевать сопротивление системы своего родного языка и в этой позиции произносить каноническую русскую аффрикату. Поэтому реализация в виде [с] не является единственной. Но она явно доминирующая для лаосского русского, и мы должны это признать как данность, как реальность, которую мы обязаны принять и описать.

Удивительным для меня образом в грядущей эре геофонологии привычная картина реализации русских фонем на уровне нормы, или уровне типов, будучи, как мы привыкли думать, «чисто фонетической», потому что речь идет о «чисто фонетических» позициях, прирастает и разветвляется за счет того, в каких именно цивилизационных условиях эта фонетическая позиция существует.

<ц>
[ц] ...[дз] ...
[с] в лаосском русском
[ц'] в украинском русском

И далее с указанием того, каким образом эта и другие фонемы, формирующие русский звуковой строй, реализуются в великом множестве вариантов русского языка, возникающих в разных странах, в которых он «работает» в качестве средства социального взаимодействия, и взаимодействует с разными языками.

Я убежден, что геофонология русского языка станет полноправным компонентом общей геофонологии наряду, в частности, с «германистикой», ведь для германистов признание поливариантности языка не является откровением.

Стоит отметить, что в германистике, и в социолингвистике в целом, особенности ин-

дивидуальных, территориальных и национальных особенностей произношений принято называть «типом произношения» или «акцентом» (manner of pronunciation, accent): «Акцент может характеризоваться местом проживания его носителей (региональный или территориальный акцент), их социоэкономическим статусом, этносом (этнолект), положением в обществе (социальный акцент / социолект), или влиянием **родного языка** носителей (иностранноязычный / иностранный акцент)» [16]. В соответствии с таким определением в структуре глобального англоязычного мира принято выделять несколько групп «английского произношения», в основе разделения которых лежат понятия родного и государственного языка:

- первая группа представляет из себя национальные варианты произношения в странах, где английский язык является родным для большинства населения: Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия – это «внутренний круг» (inner circle);
- вторая группа – так называемый «внешний круг» (outer circle) – это типы английского произношения, закрепившиеся на территориях, входивших в геополитическое влияние Британской Империи – бывшие колонии: Индия, Сингапур и др., в таких странах английский язык, как правило, имеет статус государственного;
- «расширяющийся круг» (expanding circle) – третья группа, объединяющая в себе страны, где английский язык является самым распространённым иностранным языком, изучаемым в школах и высших учебных заведениях (Россия, Китай) [14].

В данной ситуации интерес представляет первая группа произносительных вариантов, ведь с точки зрения каждого отдельно взятого национального варианта, реализация других вариантов должна считаться «ошибкой». Но ведь в рамках отдельно взятых государств каждый такой вариант считается нормой (а наличие нормы как таковой обусловлено необходимостью ее взаимодействия с любыми другими ненормативными вариантами на системном уровне в рамках национального варианта)

и имеет свой произносительный стандарт (English Standard): Received Pronunciation (RP) в Великобритании, являющийся стандартным по отношению к вариантам «внешнего и внутреннего круга», General American (GA) в США, General Canadian (GenCan) в Канаде, General Australian в Австралии (GenAus) и Standard New Zealand English в Новой Зеландии.

Так, например, в RP фонема <r> в поствокальном положении может реализовываться звукотипами [iə] [ʊə] [eə] [ə], которые находятся на периферии в GA и отсутствуют в нормативном произношении, где <r> реализуется звукотипом [r]:

Received Pronunciation: cure [kjʊə], hair [heə], danger ['deɪndʒə], reader ['riːdə], clerk [kla:k];

General American: cure [kjʊr], hair [her], danger ['deɪndʒər], reader ['riːdə], clerk[klɜːrk] [15].

При этом Шотландский вариант английского произношения предполагает четкое произношение [r] в середине и конце слова, а жители восточных и южных штатов Америки предпочитают следовать произносительной норме RP [16; 17], что в рамках принятых в Великобритании и США норм должно считаться ошибкой, но таковой не является, ведь воспринимается с точки зрения геофонологической парадигмы.

Похожую картину можно наблюдать и у одного из представителей «внешнего круга» – индийского английского (General Indian English). Для него характерен вибрационный звукотип [r] и ретрофлексный ударный [r̥]: improve [ɪmˈpr̥uːv], eradicate [ɪˈr̥ædɪ.keɪt].

Интересно, что отличия индийского типа произношения английского языка от британской нормы обуславливаются не системными свойствами родного языка, создающего естественные барьеры, а свойствами биологическими, в частности – особенностями артикуляционного аппарата (articulatory set). «Характерной чертой этого аппарата является то, что челюсти соединены свободнее и расстояние между верхними и нижними зубами сравнительно шире, таким образом, ротовая

полость является более и даже слишком открытой, чем это подразумевает стандартное британское произношение» [18].

В «российском английском», наиболее близком нам представителе «внешнего круга», произношение вибрационного [p] (star [star], car [kar]) традиционно считается ошибкой, поскольку оно не соответствует британской произносительной норме. И хотя в рамках RP вибрационный [p] и находится на периферии поля звукотипов, выражающих фонему <r>, в GA он находится ближе к ядерному, нормативному произношению.

Помимо англофонного мира, в качестве примера межнационального взаимодействия, построенного на основе геолингвистических принципов, можно назвать международную организацию франкоязычных стран (или «Франкофония»), первоочередной задачей которой является «продвижение французского языка, поддержка многоязычия и культурного разнообразия» и включающей в себя 54 государства, объединённых по геофонологическому принципу – все они говорят по-французски независимо от реализуемого национального или территориального варианта.

Выводы

Собственно говоря, это и есть ответ на вопрос, поставленный в начале статьи: что именно является предметом исследования геофонологии (если строго следовать постулатам георусистики, то речь должна идти о «геоморфонологии», но об этом стоит поговорить в других публикациях).

Есть еще один важный аспект тех явлений, которые я рассматриваю в этой статье. И очень важный вывод. Русский язык не заимствует элементы звукового строя иного языка в качестве элементов «ряда позиционно чередующихся звуков». Как правило, эти «ряды» достаточны для того, чтобы русский язык мог предоставить человеку, который его изучает, те единицы, которые наиболее близки к его родному языку. Достаточны и закрыты для заимствований. В частности, наш экскурс в диалектную сферу русского языка показы-

вает, что студент из Лаоса использует русские аллофонемы, которые русский язык породил, апробировал в своих говорах и сохранил для той эпохи, в которой они вновь пригодились.

Оказывается, русский язык в своей диалектной системе моделировал те единицы, которые стали актуальными в эпоху русского как полинационального. Ничто не может быть навязано русскому языку того, что нет в его звуковом строе.

Я считаю насущнейшей задачей нашей науки, которая, на мой взгляд, обречена на дви-

жение в сторону превращения в георусистику, начало построения геофонологии.

И конечно же, работа над созданием геофонологии – это ступень к внимательному и последовательному описанию реализаций русского языка в разных странах. Тем более, что времени у русистов не так много: на очереди – косморусистика. Тем более, что она, по сути дела, уже обретает свой предмет в произведениях фантастики, которые – как всегда раньше нас – очень внимательно исследуют футурологи, политологи, трендсетеры и трендвотчеры.

Список литературы

1. Георусистика. Первое приближение: сб. науч. ст / Под ред. А.Н. Рудякова. – Симферополь: Антикава, 2010. – 152 с.
2. Георусистика. Вызовы XXI века: Сб. науч. ст. / Под редакцией А.Н. Рудякова. – Симферополь: Антикава, 2011. – 156 с.
3. Рудяков А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире / А.Н. Рудяков. – Москва: ЛЕКСРУС, 2016. – 320 с.
4. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – Москва: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
5. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2008. – 1536 с.
6. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В.Ю. Михальченко). – Москва, 2006. – 312 с.
7. Панов М.В. Русская фонетика. Учебник для университетов / М.В. Панов. – Москва: Просвещение, 1967. – 440 с.
8. Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А.Н. Рудяков. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Флинта, 2012. – 160 с.
9. Степанов Ю. С. Основы языкознания / Ю.С. Степанов. – Москва: Просвещение, 1966. – 271 с.
10. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – С. 24-39.
11. Соколовская Ж. П. Проблемы системного описания лексической семантики / Ж.П. Соколовская. – К.: Наукова думка, 1990. – 183 с.
12. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика / М.В. Панов. – Москва: Высш. шк., 1979. – 255 с.
13. В.Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров / В.Г. Орлова. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 209 с.
14. World Englishes: Critical Concepts in Linguistics / ed. by K. Bolton, B. Kachru. L. – New York: Routledge, 2006. – 2744 p.
15. Jones D. Roach P., Setter J., Esling J. Cambridge English Pronouncing Dictionary (18th ed.). – Cambridge University Press, 2011.
16. Trudgill P. The dialects of England / P. Trudgill. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2000. – 168 p.
17. Wells J. C. Accents of English / J. C. Wells. – Cambridge, 1982. – P. 38.
18. Sahgal A. Indian English Phonology: a Sociolinguistic Perspective / A. Sahgal // English World-Wide. – № 9:1, 1988. – p. 51-64.

А.Н. Рудяков, Л.А. Рудяков

В.И. Вернадский атындағы Қырым Федералдық университеті, Симферополь, Ресей Федерациясы

Орыс тілінің геофонологиясы георусистика саласы ретінде

Аңдатпа. Мақала «геофонология» терминінің мазмұнын георусистика тұрғысынан талдауға арналған, орыс тілі жұмыс істейтін қазіргі жаһандық тілдік кеңістіктің тілдік бірліктерін зерттеу ерекшеліктерін ескеруді қамтиды. Авторлар лингвистикалық функционализм принциптеріне сүйенеді, оған сәйкес тіл (оның ішінде орыс) бірнеше формада болады: «инвариант» және «опциялар». Инвариант ретінде «жалпы тіл», бір тілдің барлық басқа инвариантты тілдерге қарама-қайшылығын анықтайтын тілдік бірліктер мен қатынастар жүйесі әрекет етеді; опция белгілі бір жағдайларда инвариантты жүзеге асырудың осы түрі болып табылады.

Мақалада орыс тілінің фонологиялық жүйесін жекелеген мемлекеттер шеңберіндегі өзара әсер ету құралы ретінде қарастырған кезде түбегейлі айырмашылықтарды ескеру қажеттілігі негізделеді, өйткені бұл орыс тілі үшін біртұтас фонемаларды әр түрлі позицияларда, соның ішінде шет тілдік ортада жүзеге асырудың өзгергіштігін анықтайды. Дәл осы түрдегі айырмашылықтар орыс тілінің жекелеген мемлекеттердің аумағында қалыптасқан және қазіргі кезде орыс тілінде сөйлеушілердің әлеуметтік өзара әрекеттесуі жүріп жатқан жағдайларға бейімделуін анықтайды. Осыған байланысты, орыс тіліндегі материалдағы мақалада орыс тілінің басқа тілдермен өзара әрекеттесу ерекшелігін көрсететін геофонологияның қазіргі және қазіргі моделін құрудың теориялық негіздері ұсынылған. Сонымен қатап жалпы фонемалардың әртүрлі көріністерінің рөліне ерекше назар аударылады, өйткені олардың арқасында инвариант тілі нақты әлеуметтік, мәдени, тарихи жағдайларда, сондай-ақ сол тілді әлеуметтік өзара әрекеттесу құралы ретінде қолданатын әртүрлі мемлекеттер аясында жүзеге асырылады.

Түйін сөздер: георусистика, геофонология, инвариант, нұсқа, тілдік норма, функция.

A.N. Rudyakov, L.A. Rudyakov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Geophonology of the Russian Language as a Part of Georusistic

Annotation. The article is devoted to the analysis of the term «geophonology» from the standpoint of georusistics, which assumes the study of language units in the features of the modern global language space, within which the Russian language operates. The authors rely on the principles of linguistic functionalism, according to which language (including Russian) exists in several forms: «invariant» and «variants». The invariant is «language in general», a system of linguistic units and relations, which determine the opposition of one language to all other invariant languages; the variant is a form of invariant implementation under certain conditions.

The article substantiates the necessity of taking into account the principal differences when considering the phonological system of the Russian language as a means of interactions within individual states, because it determines the variability in the realization of phonemes that are common for the Russian language in different positions, including the foreign language environment. It is the differences of this kind that determine the adaptation of the Russian language to the conditions that have developed on the territory of individual states and in which the social interaction of Russian-speaking population takes place today. In this regard, on the material of the Russian language, this article offers theoretical grounds for the establishment of the current and relevant model of geophonology, which reflects the features of interaction between Russian and other languages. Special attention is paid to the role of different manifestations of common phonemes, as they implement the language invariant in specific social, cultural, historical conditions, as well as within various states, which use the same language as a means of social interaction.

Key words: georusistic, geophonology, invariant, variant, language norm, function.

References

1. Georusistika. Pervoe priblizhenie: sb. nauch. st [Georusistics. First approach] / Pod red. A. N. Rudyakova. Simferopol': Antikva, 2010. 152 s.
2. Georusistika. Vyzovy XXI veka: Sb. nauch. st. [Georusistics. 21st century challenges] / Pod redakciej A.N. Rudyakova. Simferopol': Antikva, 2011. 156 s.
3. Rudyakov A. N. Georusistika: russkij yazyk v global'nom mire [Georusistics: Russian in the global world]. Moskva: LEKSRUS, 2016. 320 s.
4. Azimov E. G., SHCHukin A. N. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)]. Moskva: Izdatel'stvo IKAR, 2009. 448 s.
5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Great Dictionary of Russian language]. Gl. red. S.A. Kuznecov. Spb.: «Norint», 2008. 1536 s.
6. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistic Terms] (pod red. V.YU. Mihal'chenko). Moskva, 2006. 312 s.
7. Panov M.V. Russkaya fonetika [Russian phonetics]. Uchebnik dlya universitetov. Moskva: Prosveshchenie, 1967. 440 s.
8. Rudyakov A.N. YAzyk, ili Pochemu lyudi govoryat (opyt funkcional'nogo opredeleniya estestvennogo yazyka) [Language, or Why People Speak (An Experience of the Functional Definition of Natural Language)]. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Flinta, 2012. 160 s.
9. Stepanov YU. S. Osnovy yazykoznanija [Fundamentals of linguistics]. Moskva: Prosveshchenie, 1966. 271 s.
10. SHCHerba L.V. O troyakom aspekte yazykovykh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii [On the threefold aspect of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics] // SHerba L.V. YAzykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. Izd. 2-e, stereotipnoe. Moskva: Editorial URSS, 2004. S. 24-39.
11. Sokolovskaya ZH. P. Problemy sistemnogo opisaniya leksicheskoy semantikin [Problems of system description of lexical semantics]. K.: Naukova dumka, 1990. 183 s.
12. Panov M.V. Sovremennyy russkij yazyk. Fonetika [Modern Russian language. Phonetics]. Moskva: Vyssh. shk., 1979. 255 s.
13. V.G. Orlova. Istoriya affrikat v russkom yazyke v svyazi s obrazovaniem russkikh narodnykh govorov [The history of the affricate in Russian in connection with the formation of Russian folk dialects]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 209 s.
14. World Englishes: Critical Concepts in Linguistics / ed. by K. Bolton, B. Kachru. L. – New York: Routledge, 2006. – 2744 p.
15. Jones D. Roach P., Setter J., Esling J. Cambridge English Pronouncing Dictionary (18th ed.). – Cambridge University Press, 2011.
16. Trudgill P. The dialects of England / P. Trudgill. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2000. – 168 p.
17. Wells J. C. Accents of English / J. C. Wells. – Cambridge, 1982. – P. 38.
18. Sahgal A. Indian English Phonology: a Sociolinguistic Perspective / A. Sahgal // English World-Wide. – № 9:1, 1988. – p. 51-64.

Сведения об авторах:

Александр Николаевич Рудяков – В. И. Вернадский атындағы Қырым Федералдық университеті, Симферополь, Ресей Федерациясы

Леонид Александрович Рудяков – В. И. Вернадский атындағы Қырым Федералдық университеті, Симферополь, Ресей Федерациясы

Alexandr Nikolaevich Rudyakov – V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Leonid Alexandrovich Rudyakov – V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation